

Муретов М. Д. Эрнест Ренан и его «Жизнь Иисуса»: (характеристика, изложение и критика). [Очерки из новейшей истории экзегеза и критики Нового Завета] // Богословский вестник 1892. Т. 3. № 12. С. 391–410 (2-я пагин.). (Продолжение.)

Эрнестъ Ренанъ и его Жизнь Иисуса.

(ХАРАКТЕРИСТИКА, ИЗЛОЖЕНІЕ И КРИТИКА).

Эрнестъ Ренанъ!..... Въ теченіи тридцати лѣтъ эти звуки едвали кѣмъ и когда въ образованномъ мірѣ произносились равнодушно, не трогая тончайшихъ и самыхъ разнообразныхъ струнъ души современнаго европейца. Одни— преимущественно французскіе интеллигенты и либералы— со свойственными своей народности крайностями и увлеченіемъ открыли въ Ренанѣ живой идолъ для народной гордыни, преклонялись предъ этимъ фетишемъ и работали надъ созданіемъ особаго ренановскаго культа..... Для другихъ имя Эрнеста Ренана было синонимомъ самыхъ презрѣнныхъ словъ, какія только имѣлись когда-либо въ нравственно-религіозныхъ лексиконахъ или въ литературно и нелитературно научныхъ словаряхъ. Какъ оффиціальные представители, такъ и религіозно настроенные міряне всѣхъ исповѣданій называли Ренана современнымъ исчадіемъ ада, моднымъ произведеніемъ сатаны, Веліаромъ, антихристомъ, --- посылали по адресу Ренана открытыя и закрытыя проклятія и, за невозможностью уничтожить фамилію Ренана, зачеркивали въ святцахъ имя Эрнеста. А ученые богословы всѣхъ направленій—отрицатели, полуотрицатели, церковники, свободные мыслители безъ опредѣленнаго званія и учителя безъ убѣжденій, со свойственною этимъ особамъ развязностію, — не стѣснялись открыто величать Ренана балаганнымъ профессоромъ разныхъ магическихъ наукъ, создавъ изъ его фамиліи кличку для научнаго легкомыслія и литературнаго шарлатанства въ народно-ярмарочномъ вкусѣ.

Ренанъ —ученый идолъ и Ренанъ—ученый шарлатанъ!.... Правда, въ безконечной дали правды безусловной эти сужденія сойдутся въ одну точку, въ которой идолопоклонство и шарлатанство всякаго рода оказываются только двумя сторонами одного и того же угла зрѣнія..... Но пока, для насъ обыкновенныхъ смертныхъ, эти отзывы о Ренанѣ должны представляться не сходствующими параллелями въ воззрѣнїяхъ современнаго европейца. Эти противоположности въ сужденїяхъ современниковъ объясняются тѣмъ, что подобные подсудимые представляютъ на среднемъ или обычномъ уровнѣ жизни извѣстной эпохи такія крупныя величины, которыя закрываютъ собою кругозоръ предъ глазами судей, стоятъ къ нимъ слишкомъ близко и не даютъ необходимой для сравненія шири и перспективы. На обычномъ откосѣ и по избитымъ колеямъ движущіяся ученныя величины отчетливо видны и потому легко опредѣлимы для стоящаго на верху холма наблюдателя посредствомъ ихъ взаимнаго между собою сравненія: нѣтъ тутъ никакой трудности замѣтить, что одна величина крупнѣе другой вдвое, втрое, впятеро.... Иное дѣло, когда новая величина, по сравненію съ обычными явленіями на той же плоскости, столь неоднородна и крупна, что выростая предъ взоромъ судьи — наблюдателя закрываетъ отъ него и самый уклонъ и потому видна ему только съ одной стороны. Выходя изъ торной дороги, она не можетъ быть опредѣлена сразу и правильно, пока не будутъ найдены новыя, ей соответствующія, точки наблюденія, съ которыхъ она созерцалась бы всесторонне, въ отдаленіи, при извѣстномъ освѣщеніи и подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія. Только при такомъ расширеніи наблюдательнаго поля, новорожденный геній можетъ быть сравниваемъ съ соизмѣрими ему величинами, точно также какъ опредѣлить размѣры и очертанія вдругъ поднявшагося изъ земныхъ нѣдръ огромнаго вулкана невозможно при его подошвѣ, но требуется даль, перспектива, болѣе широкое зрительное поле, на которомъ виднѣлись бы другіе холмы и иныя высоты.

Всѣ эти условія для правильнаго представленія о Ренанѣ, думается намъ, имѣются у современнаго русскаго богослова. Свободный отъ врожденныхъ предрасположеній франкской

или германской народности, не стѣсняемый отъ праотцевъ унаслѣдованными предрасудками нравственно-религіозной схоластики Европы, чуждый не только отрицательныхъ, но и всѣхъ вообще школьныхъ и столь же схоластичныхъ движеній западнаго богословія, — стоя вдаль отъ запада и на особенной, высшей, православно-соборной точкѣ зрѣнія на дѣла — русскій богословъ, по нашему мнѣнію, владѣеть болѣе вѣрнымъ мѣриломъ какъ для оцѣнки всѣхъ вообще явленій западнаго богословія, такъ и въ частности для опредѣленія научной величины Ренана ¹⁾.

Появленіе этой величины изъ сокровеннѣйшихъ нѣдръ учено-богословской подпочвы запада совершалось въ трехлѣтіе между 18⁶¹/₆₃, сначала на высотахъ Ливана въ бѣдной Маронитской хижинѣ, а потомъ на берегахъ Сены въ шумной столицѣ Европы — Парижѣ. Говоримъ о первоначальныхъ наброскахъ и послѣдовавшемъ за тѣмъ изданіи Реновой Жизни Иисуса ²⁾.

И до этой книги Ренанъ въ ученомъ мірѣ считался за звѣзду первой величины, какъ богословъ-мыслитель, какъ филологъ-ориѣнталистъ, какъ гебраистъ-библіологъ и какъ художникъ-историкъ. И послѣ Жизни Иисуса Ренанъ напечаталъ большое число книгъ, томовъ, брошюръ, замѣтокъ, рѣчей

¹⁾ Въ упрежденіе преждевременныхъ волненій безпокойнаго читателя, буде найдется такой, имѣемъ пужду заявить, что въ этомъ очеркѣ похваляется только внѣшне-формальная и художественно-историческая сторона труда. Напротивъ, теоретическія и богословско-философскія воззрѣнія Ренана отличаются не только неправославіемъ, но и поразительнымъ легкомысліемъ и какою-то дѣтскою незаконченностью, почему въ концѣ очерка и подвергаются самому тщательному разбору и самому строгому осужденію. Составитель очерка думаетъ, что истинная правда, даже о врагахъ Христа, гораздо полезнѣе для христіанской правды и для православія, чѣмъ не только прямая ложь, но даже и поваленная истина. И это потому, что нигдѣ человѣческая совѣсть не бываетъ такъ чувствительно настроена, какъ именно въ религіозно-нравственной области и въ религіозныхъ сужденіяхъ. Сила убѣжденія въ истинѣ тутъ стоитъ въ прямомъ отношеніи къ чувствительности совѣсти и къ ея воспріимчивости всякой лжи, т. е. чѣмъ, такъ сказать, православиѣе человѣкъ, тѣмъ онъ большее нитаетъ отвращеніе къ поваленной правдѣ, къ этимъ іезуитско-схоластическимъ „благочестивымъ обманамъ“ Такъ, чѣмъ художественнѣе и стройнѣе концертъ, тѣмъ замѣтнѣе и непріятнѣе въ немъ всякая фальшивая нотка ..

²⁾ Histoire des origines du Christianisme. Livre premier. Vie de Jésus. Par Ernest Renan Paris, Michel Lévy frères, 1863.

и пр. Но всѣ эти научныя изысканія въ Финикии и вообще на Востокѣ, многотомныя исторіи Израиля и происхожденія христіанства, изслѣдованія о книгахъ Іова и пѣсни пѣсней, объ аверроизмѣ, о семитическихъ языкахъ и пр. и пр. никогда бы не выдвинули Ренана изъ общенаучнаго уровня, если бы у него не было его *Жизни Іисуса*. И безъ этой работы кропотливые охотники ученыхъ родословій конечно стали бы цитовать Ренана въ длинной цѣпи другихъ именъ при указаніи на то или другое объясненіе или мнѣніе, при изысканіяхъ семитическаго корнеслова, чтенія и перевода той или другой финикійской надписи. Но тутъ имя Ренана въ ряду другихъ именъ помѣщалось бы, если и не какъ трупъ для анатомическихъ работъ будущаго испытателя—историка, то какъ одинъ изъ тѣхъ нарядныхъ, но лишенныхъ всякаго значенія гербовъ, которыми такъ обременены родословныя книги современныхъ наукъ. Вѣдь эти значки въ наукѣ суть то-же, какъ если-бы каждый камень или кирпичъ какого-либо великолѣпнаго зданія были помѣчены именами рабочихъ, трудившихся надъ ними.... Иное дѣло—архитекторъ и художникъ, не чрезъ мертвыя начертанія своего имени, а какъ бы самолично присутствующій въ своемъ твореніи и какъ бы лицомъ къ лицу бесѣдующій съ каждымъ созерцателемъ его созданія.

Не напиши Ренанъ *Жизнь Іисуса*, онъ не былъ бы тѣмъ, что онъ есть, но стоялъ бы въ ряду прочихъ ученыхъ отрицательнаго направленія, имя же имъ легионъ. И наоборотъ: сожгите всѣ томы Ренана или уничтожьте на нихъ имя автора, но оставьте за нимъ одну *Жизнь Іисуса*, и его историческая извѣстность обезпечена за нимъ надолго, хотя быть можетъ и не такъ, какъ мечтаетъ самъ Ренанъ...

Порукою можетъ служить общее западно-европейское сознаніе. Если бы французскіе звуки *Vie de Jésus par Ernest Renan* можно было написать и произнести на какомъ-либо международномъ западно-европейскомъ языкѣ въ родѣ, на примѣръ, воляпяока, то при имени *Ренанъ* навѣрно у каждаго образованнаго и ученаго западнаго европейца первое представленіе будетъ не о книгѣ Іова или Финикійскихъ надписяхъ, но именно о *Жизни Іисуса*. И наоборотъ: при названіи *Жизнь Іисуса* въ сознаніи современнаго научно-

образованнаго западнаго европейца прежде всего всплывутъ, можно смѣло утверждать это, не Павлюсы, Неандеры, Шенкели, Страуссы, Гаусраты и Кеймы, но—Ренапъ.

Древне-семитическія надписи перечитають другіе ученые послѣ Ренана, поправятъ, а быть-можетъ даже и измѣнятъ его чтеніе. Объ аверроизмѣ и семитахъ будутъ разсуждать, спорить, писать, и даже лучше Ренана. — Мысли Ренана, высказанныя въ многочисленныхъ его сочиненіяхъ, современемъ переплавятся умами другихъ ученыхъ, его открытія претворятся въ дальнѣйшей жизни человѣческаго знанія, образуютъ новыя соединенія, войдутъ въ составъ новыхъ болѣе сложныхъ и болѣе развитыхъ, организмовъ науки..... По *Жизни Иисуса* навсегда останется неотчуждаемою собственностію Ренана, ибо ни въ какихъ сочетаніяхъ она не измѣнитъ свою лично-ренановскую особность, характерность и самобытность.

Такое значеніе Ренановой *Жизни Иисуса* обусловливается тѣмъ, что въ ней сдѣлана первая и научно-серьезная попытка освободить Евангельскую исторію отъ схоластическихъ предразсудковъ и туманныхъ отвлеченностей разныхъ нѣмецкихъ школъ (раціоналистической, отрицательной, полуотрицательной, либерально-безъисповѣдной, филологической и т. д. и под.) и замѣнить эти бесплодно-партийныя препирательства цѣлостно-органическимъ, наглядно-историческимъ и художественно-живымъ, хотя, какъ увидимъ, во многомъ невѣрнымъ, воспроизведеніемъ Евангельской дѣйствительности, какъ она предносилась ложно настроенному воображенію ученаго историка и художника. Вообще: вмѣсто безконечныхъ и отвлеченныхъ споровъ между нѣмецкими школами о томъ, что могло или не могло быть, Ренанъ поставилъ своею задачею постичь и художественно воспроизвести то, что, по его мнѣнію, было. Здѣсь—тайна Ренановой *Жизни Иисуса*, ея значеніе, особность; здѣсь же и ключъ къ тому неравнодушію, какое со стороны ученаго, образованнаго и даже полуобразованнаго міра обнаруживалось къ Ренану въ продолженіе всей его жизни и, безъ сомнѣнія, не скоро ослабнетъ и послѣ его смерти. Эту сторону Ренановой *Жизни Иисуса* мы и намѣрены раскрыть въ дальнѣйшемъ очеркѣ, давъ сначала ея общую характеристику, потомъ—изложеніе, наконецъ—критику.

I.

Характеристика.

Ученый или даже просто образованный человекъ, по какому-либо случайностямъ не издавшей книги Ренана, навѣрно представляетъ ее себѣ въ видѣ многотомнаго, или хоть и одготомнаго, но увѣснстаго изданія на подобіе нѣмецкихъ hochgelehrte Studien, высокоученыхъ Geschichte Jesu, этихъ протяженныхъ Leben Jesu и проч. Правда, самъ Ренанъ издалъ свою *Жизнь Иисуса* въ видѣ отдѣльнаго перваго тома „*Исторіи происхожденія христіанства*“. По названіе тома тутъ будетъ преувеличеніемъ, какъ неточнымъ оказывается и терминъ *книги* (Livre premier), данный самимъ авторомъ. Лежащее предъ нашими глазами пятое изданіе (1863, Paris, Michel Lévy frères), если взять даже шрифтъ этой статьи, заняло бы никакъ не болѣе пятнадцати листовъ. Если же опустить общія и теоретическія разсужденія, которыхъ неумѣстность сознаетъ самъ Ренанъ и потому болѣе чѣмъ бѣгло ихъ касается, — ежели частью уничтожить и частью помѣстить въ строку или отдѣльно въ приложеніи совершенно подъ часъ бесполезныя цитаты, избрать болѣе убористый шрифтъ, увеличить длину и количество строкъ, вообще издать съ тою экономичностью, какою отличаются разные эти высокоученые нѣмецкія изслѣдованія Евангельской исторіи: то Ренанова *Жизнь Иисуса* займетъ не болѣе, если не менѣе, восьми—семи печатныхъ листовъ. Названіе *книги* для такого сочиненія слишкомъ пышно. Это — книжка, брошюрка, все что угодно, только не книга и не томъ.

Всемирная извѣстность и историческая слава за брошюрку!..... Съ этимъ-то, прежде всего и не въ состояніи помириться самоотверженный, но ограниченный труженикъ надъ непосильнымъ дѣломъ, какой-либо авторъ многотомныхъ трудовъ.

Но исторія не считаетъ страницъ и томовъ въ тѣхъ твореніяхъ, какія вноситъ она въ свои лѣтописи. Съ суровымъ безпристрастіемъ покрывая пылью забвенія или даже иногда превращая въ самую эту пыль безконечные томы, она нерѣдко сохраняетъ навсегда какія нибудь нѣскольکو

словъ..... Да вѣдь по правдѣ сказать, во всѣхъ этихъ многотоміяхъ, принадлежащихъ такъ называемымъ плодовитымъ писателямъ, если исключить лицъ служебныхъ и волей-неволей обязанныхъ изыскивать для своей анатоміи подобныя трупы,—едвали наберется и семь-восемь листовъ, которые вошли бы въ организмъ общенаучнаго сознанія данной эпохи и сдѣлались бы его неотъемлемымъ достояніемъ. Вѣдь эти туманно-риторическія „*святая юность, галилейская весна, галилейская буря, мессіанскій тронъ въ міровой исторіи*“ (Кеймъ) испаряются изъ общечеловѣческаго сознанія также быстро и незамѣтно, какъ ночной туманъ разсѣвается съ первымъ же лучемъ яснаго утра. Исторія права, если предасть забвенію эти, изъ чужихъ рукъ взятая, чужому образцу подражающія, лицемѣрно-риторическія и ничего не объясняющія восторганія по поводу той или другой мѣстности Евангельской,—эти недомолвки раціоналистическія— невысказанное и при себѣ затаенное невѣріе, — эти, отъ инуду понадерганныя павлиныя перья, принадлежащія отрицательной наукѣ, но окрашенныя въ лже-христіанскій цвѣтъ слащаво-притворнаго благочестія... Исторія права, приговаривая къ покойному спу бібліотеки этихъ многочисленныхъ и увѣсистыхъ Кеймовъ или Фарраровъ и прославляя брошюрку Ренана... Ибо отъ Кейма остается впечатлѣніе чего-то многоученаго, длиннаго, туманно-риторическаго въ отрицательномъ духѣ; Фарраръ запоминается въ образѣ такого-же туманнаго ритора, но въ положительно-гомилетическомъ духѣ. Напротивъ у Ренана *какъ* не отдѣлимо отъ *что*. Начавъ книгу Ренана, вы не можете остановиться, гдѣ вздумается, — вы непременно дочитаете ее до конца. Мало того: отъ первой и до послѣдней строки эта книга начертываетъ въ нашемъ сознаніи неизгладимыми письменами не только то, *какъ* она написана, т. е. свою художественную форму, — но и то, *что* въ ней написано, т. е. свое идейно-теоретическое содержаніе. Если исторія записываетъ въ своихъ лѣтописяхъ только то, что она знаетъ, то надо сознаться: Ренанову *Жизнь Иисуса* она будетъ знать всю отъ первой до послѣдней страницы, а отъ Кеймовыхъ *Исторій Иисуса* и имъ подобныхъ сочиненій останутся одни лишь заглавія. Ренанову жизнь Иисуса доселѣ продолжаютъ третировать свысока многоученые кри-

тиканы разныхъ школъ... Но что бы кто ни говорилъ, Ренана нельзя не знать, нельзя забыть, нельзя отложить на полки съ многотомными изданіями нѣмецкихъ отрицателей. Съ Ренаномъ можно и, какъ увидимъ, даже должно не соглашаться, но, откровенно говоря, ему нельзя не позавидовать въ томъ, что есть у него хорошаго. Разумѣемъ внѣшнюю и художественную сторону Ренановой книги. — И во первыхъ — по скольку эта художественность выражается въ *краткости*, — въ искусствѣ нѣсколькими словами, — но ярко, сильно, сосредоточенно, — начертать то, что въ много-этажныхъ періодахъ разныхъ нѣмецкихъ *Leben'овъ Jesu* расплывается въ туманѣ обширныхъ абтэйлюнговъ и безконечныхъ примѣчаній. Едва ли можно указать на какой-либо пропускъ въ книгѣ Ренана. Повидимому все существенное продумано всесторонне и выставлено вынукло. Конечно, въ качествѣ прибавленій къ Ренановой книгѣ можно присоединить въ концѣ ея безконечный рядъ цитатъ изъ Кейма и другихъ. Но эти цитаты и справки, по существу, ничего не прибавятъ къ тексту Ренановой *Жизни Иисуса*. Такъ она полна! И это — при размѣрахъ маленькой брошюрки! И если къ ней ничего нельзя прибавить, то нечего въ ней и убавить. Ее нельзя сократить, такъ она *коротка!*...

Эта сторона Ренановой *Жизни Иисуса* уноситъ мысль нашу къ другой особенности — къ *художественности ея слова или языка* (стиля).

Въ рѣчи по случаю своего избранія въ число „*Безсмертныхъ*“, Ренанъ выставялъ какъ похвальный особенностью Парижской Академіи ея уваженіе къ художникамъ слова, причемъ ораторъ гордился оказанною ему почестью не за его ученныя изысканія и открытія, но именно за *стиль*, за искусство говорить родною рѣчью, за художественность слова. „Форма, по Ренану, есть плоть, дающая жизнь мысли и образу“. Около ста лѣтъ тому назадъ предъ тѣми же Безсмертными и столь же ученый Бюффонъ говорилъ почти то же самое, выясняя значеніе стиля. „Только тѣ труды, которые хорошо написаны, перейдутъ къ потомству; обиліе свѣдѣній, исключительность дѣяній, даже новостъ открытій не суть вѣрныя ручательства безсмертія; если содержащіе ихъ труды касаются только неважныхъ пред-

метовъ, если они написаны безъ вкуса, безъ художественной простоты, безъ генія — они погибнуть, ибо свѣдѣнія, событія и открытія легко перенимаются и даже выигрываютъ, когда обрабатываются руками болѣе искусными. Все это — внѣ человѣка, а стиль есть самъ человѣкъ. Стиль не можетъ ни исчезнуть, ни переняться, ни измѣниться: если онъ возвышенъ, художественно простъ, изященъ, то авторъ одинаково будетъ вызывать удивленіе къ себѣ во всѣ времена, ибо только истина продолжительна и даже вѣчна“.

Великій естествоиспытатель и богословъ на пространствѣ цѣлаго вѣка говорятъ одни и тѣже мысли. Не подслушиваемъ ли тутъ гласъ народа о значеніи слова для долгой исторической славы? Во всю свою многолѣтнюю жизнь, при всѣхъ своихъ сухихъ ученыхъ работахъ, Ренанъ, въ глубинѣ души и по природному дару, оставался всегда любителемъ и художникомъ слова, — не той изысканно-риторической, бьющей на эффе́кть и искусственно сочиненной фразы, какою отличаются многіе соотечественники Ренана и его иностранные подражатели, но — истаго художественнаго слова, какъ выраженія истаго художественнаго идеала.

Изъ русскихъ развѣ стиль одного только безсмертнаго Грановскаго можно поставить въ нѣкое сравненіе съ Ренаномъ. Говоримъ „нѣкое“, ибо во французскомъ языкѣ проза не такъ далека отъ стихотворенія, какъ у насъ.

Мало того. Какъ ориенталистъ, глубоко проникшій въ тайну семитическихъ языковъ и близко сроднившійся съ поэтическимъ складомъ рѣчи современныхъ Арабовъ, Ренанъ обогащаетъ и разнообразитъ красоту и отчетливость французскаго языка смѣлыми оборотами и наивно привлекательными образами восточныхъ языковъ, — что придастъ слову Ренана прелесть несравненную. Нѣкоторые ставятъ Ренана выше даже Виктора Гюго и Тэна. Не сознаемъ за собою правоспособности сказать объ этомъ что-нибудь по существу. Но дозволяемъ себѣ замѣтить, что Ренанъ чуждъ, неумѣренной подъ часъ, смѣлости образовъ и высокопарности, иногда туманно-заоблачной, Виктора Гюго, — какъ свободенъ онъ и отъ нерѣдкой риторичности, изысканности и, переходящихъ часто границы художественной мѣры, излишествъ въ словѣ Тэна. Дальнѣйшее знакомство съ кни-

гою Ренана, за невозможностью изложить ее своими словами, мы даемъ словами автора. Но переводъ выдерживаетъ только внутреннюю, идейную, содержательную сторону слова, а не внѣшнюю, формальную, благозвучную ¹⁾).

Итакъ, если совершеннѣйшій изъ европейскихъ языковъ есть французскій, то Ренанъ владѣетъ тайною художественно-поэтической прозы этого языка какъ никто. И если первымъ признакомъ всякой бездарности служить вялость, блѣдность и расплывчивость слова, благодаря чему такъ легко передаются другими словами и въ сокращеніи подобныя писанія: то Ренана нельзя ни сократить, такъ онъ кратокъ и сосредоточенъ, ни переиначить, такъ онъ художественъ и самобытенъ. Всякій неумѣлый пересказъ дастъ только уродливый образъ Ренанова слова, какъ въ мутной волнующейся поверхности воды лицо красавца Нарцисса отразится безобразнымъ Сатиромъ. Ренанъ, да позволено будетъ намъ это сравненіе, влюбленъ въ свой стиль, какъ Нарциссъ въ свое отраженіе, и стиль Ренана также прекрасенъ, какъ Нарциссъ.

¹⁾ Здѣсь же для образца приводимъ посвященіе книги, соединяющее въ себъ ясность, красоту и звучность французскаго языка съ чарующей мечтательностью и тихою грустью восточной меланхолии

„Чистой душѣ сестры моей Генріэтты (умершей въ Библосѣ 24 го сентября 1861). Ты помнишь ли на лонѣ Бога, гдѣ почиваешь ты, о длинныхъ дняхъ Хазира, когда вдвоемъ съ тобою писалъ я эти страницы, вдохновленныя мѣстами, что посѣщали мы вмѣстѣ? Молчаливо рядомъ со мною ты перечитывала каждый листъ и тутъ же переписывала, а море, села, овраги, горы разстилались у нашихъ ногъ. Когда невыносимый свѣтъ смѣнялся сонмомъ звѣздъ, твои вопросы тонкіе и деликатные, твои сомнѣнія скромныя возвращали меня къ высокому предмету общихъ нашихъ думъ. Эту книгу, сказала ты однажды, будешь ты любить и потому, что она писана съ тобою и потому, что она нравилась тебѣ. Если иной разъ ты опасалась за нее узкихъ сужденій какого-либо чело-вѣка пошлаго, то всегда ты была увѣрена, что души истинно религіозныя въ концѣ концовъ полюбятъ ее. Среди такихъ пріятныхъ размышлений смерть неожиданно поразила насъ обоихъ, сонъ горячки схватилъ насъ въ одинъ и тотъ же часъ; проснулся я одинъ. Ты спишь теперь въ землѣ Адониса, вблизи святаго Библоса и водъ священныхъ, куда жены древнихъ тайнствъ приходили проливать свои слезы. Открой же мнѣ, добрый геній,—мнѣ, твоему любимцу, тѣ истины, которыя побуждаютъ смерть, препятствуютъ бояться ея и едва не заставляютъ любить ее“.

Но эта ласкающая слухъ и увлекательная прелесть слова Ренанова есть только драгоценная рама для начертанной художникомъ картины. Ренанъ не только художникъ слова, — но и живописецъ великихъ образовъ исторіи. Съ поразительною живостию Ренанъ рисуетъ историческую и географическую обстановку Евангельскихъ событій. Съ неменьшимъ искусствомъ Ренанъ воспроизводитъ среди этой обстановки, хотя вымышленные и ложные, но живые, полные силы, выразительности и движенія великіе образы священной исторіи. Эти, сочиненныя Ренаномъ, лица какъ бы снова, и конечно прозрачно, переживаютъ свою исторію, движутся на этой почвѣ и дышатъ этимъ, нарисованнымъ у Ренана, историческимъ воздухомъ.

Первоначальная колыбель Ренановскаго христіанства — цвѣтущая и привѣтливая Галилея съ ея маленькимъ и безопаснымъ, но тѣмъ болѣе привлекательнымъ и радушнымъ, озеромъ очерчены такъ, что одна эта часть книжки даетъ автору безспорное право на самое видное мѣсто въ спискѣ міровыхъ художниковъ слова. Бѣдный и маленькій поселокъ Назаретъ, заброшенный въ извилинѣ живописной долины, но съ восхитительными окрестностями, представляетъ мѣстность, невольно уносящую чистое сердце въ заоблачный міръ безмятежнаго блаженства. Райское плодородіе почвы, пышная зелень роскошныхъ садовъ и полей, тѣмъ болѣе цѣнная въ Палестинѣ, чѣмъ знойнѣе голая и раскаленная солнцемъ скалы ея пустынь, — извѣстная доля земледѣльческаго довольства, незнакомаго съ вопросомъ о кускѣ хлѣба на завтрашній день, — строгая и скромная жизнь деревни, незнающая роскоши и разврата столицъ, — наконецъ восхитительно-художественный горизонтъ, ласкающій зрѣніе и успокоительно, даже радостно, дѣйствующій на сердце: все это отражалось на туземцѣ жизнерадостнымъ настроеніемъ, особымъ поэтическимъ благодушіемъ, наивностью и привѣтливостью. Въ такой обстановкѣ воспитывался и изъ такого окна смотрѣлъ на Божій міръ Христосъ-дитя въ простой семьѣ Назаретскаго плотника. Но если Назаретъ былъ колыбелью нарождавшагося христіанства, то Галилея и ея озерко служили ему школою. Эта прелестная, вся въ зелени садовъ и полей, какъ рай земной, Галилея, — этотъ завѣтный край любви и вдох-

повенія, родина Пѣсни Пѣсней,—эта блаженная страна счастья и радостей, полагавшая на думы и мечты туземца какую то особую прелестно-идиллическую дымку, — это маленькое море, служившее средоточіемъ жизни туземца и дававшее ему скромныя, но вѣрныя средства къ существованію, ублакивая его на своей привѣтливой поверхности радостными надеждами и внушая ему сладкія грезы о блаженствѣ въ звѣздномъ шатрѣ темно-голубаго неба.

Какъ-бы тѣнью для этой свѣтлой стороны картины служить у Ренана угрюмая природа Иудеи и окрестностей Иерусалима: эта, Богомъ спаленная страна,—эти выжженные и безводныя долины,—эти унылыя, давящія сердце, голыя скалы съ ихъ непроходимыми и бездонными пропастями,—наконецъ это Мертвое Море съ его ужасающею исторіею и вѣковымъ проклятіемъ Божиимъ.

Съ неменьшею художественностью, чѣмъ географическая обстановка, нарисованъ у Ренана и историческій, такъ сказать, воздухъ земной жизни Христа. Завѣтныя думы и надежды тогдашняго обитателя Святой Земли,—сладостныя грезы кроткаго галилеянина о блаженствахъ заоблачнаго міра,—непосредственное ощущеніе чистымъ сердцемъ таинственной связи человѣка съ Божествомъ и безпредѣльной любви Творца къ твари,—чистое, въ его непосредственной простотѣ и силѣ, нравственно-религіозное чувство, не приглушенное усиленною борьбою за существованіе, незатемненное угрызеніями зависти и жаждою превосходства, не ослабленное мертвыми отвлеченностями лженаучныхъ умствованій,—кротость, снисходительность, всепрощеніе въ судѣ о грѣхахъ и порокахъ ближняго. Полную противоположность этой деревенской и народной части населенія представляютъ тогдашніе интеллигенты и заправилы Палестины: мрачные пессимисты, схоластическіе резонеры, мелочные казуисты и и пустосвяты—книжники и фарисеи, сковывавшіе совѣсть Еврея стальными цѣпями невыполнимаго формализма, отвратительнаго ханжества и чисто рабскаго приниженія нравственно-религіознаго сознанія предъ Богомъ; эти сребролюбцы раввины и миссіонеры, обращавшіе святое дѣло спасенія грѣшныхъ язычниковъ въ гешефтъ и созидавшіе себѣ изъ закона заступъ для копанія доходнаго огорода;

эти богословскія распри школъ, соперничавшихъ между собою въ догматическомъ, моральномъ и каноническомъ пустословіи; эти аристократы священники и первосвященники съ ихъ саддукейскимъ консерватизмомъ, съ ихъ неутраченъ въ будущую жизнь и послѣдній судъ, презрѣнъ къ черни, эпикурейскимъ образомъ жизни, кощунственнымъ небреженъ святыхи и, въ довершеніе всего, торгашествомъ священными предметами. Наконецъ политическій деспотизмъ не стѣснявшійся на дальнемъ Востокѣ представителями Рима—язычникомъ прокураторовъ и ренегатовъ Иродовъ, непомѣрная и оскорблявшія народное чувство подати, развязность полиціи и низшей прислуги господъ: это и все другое возстановлено Ренаномъ такъ живо и увлекательно, что читатель забываетъ о цѣлой лѣстницѣ вѣковъ, отдѣляющей его отъ описываемой среды, какъ бы самъ живетъ въ этой исторической атмосферѣ и дышетъ ея воздухомъ.

По самую выдающуюся сторону Ренанова произведенія представляютъ частію художественно *созданные*, а частію художественно воспроизведенные имъ образы историческихъ лицъ. Креститель, этотъ могучій аскетъ въ верблюжьей шерсти и съ кожанымъ поясомъ, отшельникъ суровой пустыни, живущій въ угрюмыхъ скалахъ съ шакалами и питающійся дикимъ медомъ да сарапчею,—этотъ грозный проповѣдникъ покаянія и покаянія, беспощадный и смѣлый обличитель распушенности своихъ соотечественниковъ—мытарей, фарисеевъ, волновъ, даже царей,—этотъ громовый вѣстникъ приближающагося страшнаго дня Господня, когда грозный Судія отвѣтъ праведниковъ отъ грѣшниковъ какъ мякину отъ зерна: мощный образъ этого пророка, въ духѣ и силѣ грознаго даже до крови Кармилъскаго репнителя Игоны, какъ бы самъ собою просится на полотно подъ кисть какого-либо великаго художника въ родѣ Иванова. Столь же наглядно и выразительно начертанъ, или какъ увидимъ—болѣе сочиненъ, чѣмъ воспроизведенъ Ренаномъ образъ Христа—свѣтлаго, жизнерадостнаго, вселюбиваго учителя о блаженствѣ любви, кротости, всебратства, вселюбивости и милости—въ Галилеѣ и въ началѣ мессіанскаго служенія; и грознаго, мрачнаго и суроваго, въ духѣ Предтечи, пророка о страш-

помъ дѣтъ судномъ — въ Иерусалимѣ и въ концѣ жизни. Точно также общество учениковъ Христовыхъ, съ ихъ дѣтскою вѣрою, съ ихъ наивными мечтами, невинными заботами о первенствѣ въ открывающемся царствѣ Мессіи, маленькими распрями и хитростями по этому поводу; увлеченныя почитательницы Назаретскаго Учителя, паперерывъ служащія Ему, памащающія Его ноги и голову, съ затаеннымъ дыханіемъ внимающія у ногъ Праведника Его увлекательной проповѣди о счастіи и блаженствѣ истинной правды Божіей: матери, несущія къ Пророку дѣтей своихъ для благословенія и снисканія имъ покровительства Божія; даже дѣти, — не тѣ, что съ первымъ лучемъ самосознанія и рефлексіи подъ гнетомъ педагогики состоятельныхъ классовъ утрачиваютъ дѣтскую невинность, приучаются скрывать про себя затаенныя думы и лгутъ какъ старчествующіе младенцы, — но простыя, открытыя, наивныя души, эти маленькіе апостолы, инстинктивно какъ бы ощущавшіе родство себѣ и близость въ кроткой, невинной и вселюбящей душѣ Галилейскаго Учителя, ласкаясь къ Нему, величая Его подслушанными у взрослыхъ именами, напр. Сына Давидова, и выражая Ему свой восторгъ по своему — радостными криками и маханіемъ пальмовыхъ вѣтвей: все это — живыя лица, заставляющія читателя забыть себя, думать ихнія думы, мечтать ихъ мечтами, надѣяться, любить, негодовать, вообще чувствовать и жить по ихнему. При томъ научное изученіе восточныхъ языковъ, непосредственное знаніе страны, живое знакомство съ теперешними обитателями библейскихъ мѣстностей, наконецъ истинно художественное пониманіе и только инстинкту артиста доступное прозрѣніе народнаго гения семитовъ вручаютъ Ренану ключъ ко многимъ тайнамъ жизни уже около восемнадцати вѣковъ умершаго говора обитателей Евангельской Палестины. Изъ-за дали вѣковъ, мѣстъ и народностей къ намъ несетя еще живой отзвукъ и слышится отчетливое эхо этого наивнаго лепета со всею обаятельностью его сердечной простоты, задушевной искренности, краткости и образности. Ренанъ владѣетъ искусствомъ ставить рѣчи Евангельскихъ лицъ въ родную связь съ географическою и историческою ихъ обстановкою. Вамъ слышатся въ нихъ голоса пале-

стинской природы, испугъ рыбака, застигнутого неопаснымъ волненіемъ маленькаго озера, дыханіе весенняго легкаго вѣтерка или шумъ ночной зимней бури;—вы созерцаете въ нихъ всю роскошь и очарованіе весны въ живописныхъ долинахъ, убранныхъ роскошнымъ ковромъ пышной зелени и яркихъ цвѣтовъ;— вы во очію наблюдаете семейную и общественную жизнь палестинца, слышите глухой ропотъ забитаго и кроткаго народа при собираніи податей мытарями, рѣзкое неудовольствіе суровыхъ подвижниковъ школы Предтечи и фарисеевъ на наивную и святую радость общества Христова, сдержанную обиду на отца со стороны благовоспитаннаго сына за слишкомъ радушный и шумный приемъ распутнаго брата; авторъ служить для васъ какъ-бы живымъ путеводителемъ по Палестинѣ трехлѣтняго служенія Христа человѣчеству, показываетъ вамъ палаты богача, задающаго пирь на весь міръ, и темную хижинку бѣдной женщины, усердно отыскивающей со свѣчею потерянную драхму, — заставляетъ васъ веселиться на свадебномъ пиру среди радостныхъ гостей или же сопутствовать торжественному ночному шествію невѣсты въ чертоги жениха. Въ духовный организмъ Ренана — европейца, француза, бретонца, сама природа, повидимому, передала по наслѣдству народныя черты семита, палестинца и галилеянина, — благодаря чему Ренанъ такъ родственно и такъ глубоко сумѣлъ проникнуть въ тайну древняго обитателя Святой Земли и такъ полно, такъ художественно, такъ правдиво смогъ повѣдать эту тайну европейцамъ девятнадцатаго вѣка.

Ко всему этому прибавить надо искреннюю, — не лицемерную и не расплывающуюся въ туманныхъ отвлеченіяхъ (Кеймъ) или витіеватыхъ фразахъ (Фарраръ), но истую и простую любовь художника къ начертанному или сочиненному имъ лицу Основателя христіанства, это увлеченіе и любовь, какими дышетъ каждая строка Ренановой *Жизни Иисуса* и проникнуть каждый звукъ ея, — невольно подкупаютъ читателя въ пользу художника, ослабляютъ и охраняваютъ неприятное чувство къ Ренану, какъ невѣру. Изъ всѣхъ, доселѣ извѣстныхъ невѣровъ, — этихъ истыхъ и законныхъ порожденій западно-европейской схоластики и ея туманныхъ отвлеченностей, называемыхъ философіею, —

Ренанъ — многимъ кажется невѣромъ наисимпатичнѣйшимъ, ибо онъ вызываетъ сожалѣніе къ себѣ, какъ полусознательная и полупевольная жертва философско-схоластическихъ и вѣками унаслѣдованныхъ измовъ туманной мысли европейца. Это — не педантичный раціоналист Павлюсъ, спокойно, послѣдовательно, даже торжественно, какъ бы совершая истинно протестантское священнодѣйствіе, — разрѣшающій всѣ внутренніе запросы совѣсти, нравственнаго чувства и религіознаго сознанія въ совершенно простые силлогизмы и подцвѣченное научностію резонерство, — въ остроумномъ сдѣвленіи разныхъ естественныхъ случайностей и логически стройныхъ возможностей воображающей найти тайну неразложимаго ни на какія посылки и заключенія человѣческаго духа. Это — не дерзкій миеологъ Страуссъ, испытывающій какую-то демоническую радость въ огульномъ отрицаніи всего и въ математически-строгомъ сведеніи всѣхъ проблемъ къ нулю. Это — даже и не Кеймъ, котораго ученая флегма нагромождаетъ такую безпорядочную и необъятную массу всевозможныхъ матеріаловъ, что она въ концѣ концовъ рассыпается въ неопредѣленныхъ образахъ и туманныхъ отвлеченностяхъ утонченно-схоластической нѣмецкой мысли. О Фаррарахъ и другихъ подобныхъ же *жизнеописателяхъ* или составителяхъ жизни и исторій Христа и замаскированныхъ или открытыхъ подражателяхъ Ренана въ церковномъ духѣ — молчимъ, ибо коренная ложь самой постановки дѣла на почвѣ истинной христіанской вѣры¹⁾ сказывается у всѣхъ этихъ господъ въ маскированіи невѣрія предъ собою и другими посредствомъ туманно-риторической фразы, способной не развязывать, а еще болѣе запутывать какіе угодно узлы... Въ предсловіи къ своей книгѣ Ренанъ открыто заявляетъ, что онъ не вѣритъ, потому что не принято вѣрить... По отъ слова до дѣла — пропасть; сказать и зачеркнуть еще не значитъ искорепить въ тайникахъ духа его христіанскую природу, его богоподобіе, его сообразность Христу. Читая книгу Ренана, такъ и думаешь, что вотъ-вотъ услы-

¹⁾ Ближайшее раскрытіе этой лжи будетъ дано въ критикѣ Ренановой книги.

пишь: „Ты — Христось Сынъ Бога живаго!“... Въмѣсто того повсюду встрѣчаешь только предательское: „Радуйся, Учитель!“ Навѣянное невѣріе не позволяетъ даже Ренану открыто заявить: „согрѣшилъ, предавъ кровь неповинную“, хотя этотъ покаянный вопль уже, повидимому, трепещеть въ груди автора и готовъ какъ бы невольно вырваться наружу... Да, эта затаспанная въ глубинѣ сердца и по суетному тщеславію не высказанная вѣра Ренана слышится въ его предсмертной зависти вѣрѣ бретонца, въ его признаніи Бога Отцемъ и въ чувствахъ къ Нему, какія порождаются словомъ отецъ. Быть-можетъ, отрѣшась на минуту отъ схоластическихъ формулъ европейской лжефилософіи, Ренанъ простымъ инстинктомъ художника удоволь въ бретонскомъ или Евангельскомъ „*Отче нашъ*“ высшую и болѣе истую правду души, чѣмъ во всѣхъ этихъ искусственныхъ, широковѣщательныхъ, уму непонятныхъ, сердцу недоступныхъ, туманныхъ измахахъ. Во всякомъ случаѣ слабость философской рефлексіи Ренана, въ смыслѣ современной официальной науки, — неспособность взять вопросъ во всей его богословско-философской глубинѣ и обнять со всѣхъ сторонъ, — постоянныя колебанія, самопротиворѣчія и недосказанность, нѣкоторая доля легкомыслія и несерьезности въ наисерьезномъ дѣлѣ: все это бросаетъ какъ бы ложный свѣтъ, искусственно смягчающій безобразныя рѣзкости Ренанова невѣрія. По всему видно, что Ренану надо бы по совѣсти и искренно сказать съ отцемъ бѣсноватаго: „вѣрую, помоги моему невѣрію“ или съ Фаустомъ: „кто смѣетъ Вышняго называть и исповѣдуя сказать: я вѣрую въ Него? Кто Необъятнаго пойметъ, иль непонявъ, сказать дерзнетъ: не вѣрую въ Него?“ — Въмѣсто того онъ заявляетъ: „не вѣрю, ибо не принято, недоказано, ненаучно“.

Ренанъ -- не отъявленный и не послѣдовательный невѣръ, спокойно, безъ угрызений совѣсти, почивающій на софизмахъ своего отрицанія. Онъ переживаетъ сердцемъ свое невѣріе или вѣрнѣе — свои сомнѣнія, онъ колеблется, наивно укрывается за науку и за научныя моды, искренно завидуетъ дѣтской вѣрѣ бретонца, у него всегда остается *можетъ-быть*. „Богъ есть Отецъ нашъ, Его мы слышимъ, внимая стадостному чувству, появляющемуся въ нашемъ

сердцѣ при словѣ Отецъ. Это—не Владыка одного Израиля, но Богъ и Отецъ всего человѣчества“... Такъ говорилъ Ренанъ тридцать лѣтъ тому назадъ въ своей Жизни Иисуса. „Благодарю Бога за дарованную мнѣ жизнь.... Любовь также вѣчна какъ религія, любовь—лучшее доказательство бытія Бога... Не будемъ отказываться отъ Бога Отца, не будемъ отрицать возможность конечнаго дня правосудія. Что остается дѣлать, какъ не поднять глаза къ небу, чистой женщицѣ, несправедливо оклеветанной, невинной жертвѣ непоправимой судебной ошибки, человѣку, умирающему изъ-за подвига самоотверженія, мудрецу, умерщвляемому варварами? Гдѣ искать нелицеприятнаго суда, если не на небѣ?... Богъ живой не проявляется во вселенной... Но все возможно, даже Богъ... Богъ не проявляется въ наблюдаемомъ нами мірѣ, но нельзя доказать, чтобы онъ не проявлялся въ безконечности... Два основные догмата религіи—Богъ и безсмертіе души— не могутъ быть доказаны, но нельзя сказать, чтобы они были безусловно невозможны“... Такъ говоритъ Ренанъ уже наканунѣ своей смерти. Очевидно, парижскія моды науки и разные микро-и теле-скопы и—фоны притупили въ Ренанѣ чистоту сердечнаго ока для созерцанія живаго Бога въ наблюдаемомъ нами мірѣ. Какъ слѣпорожденный или въ колыбели ослѣпшій человѣкъ, Ренанъ лишь смутно предчувствуетъ и туманно припоминаетъ нѣчто такое, что должно быть Богомъ - Отцомъ. Переходъ къ вѣрѣ бретонца и воспріятіе общенародной или общечеловѣческой вѣры Ренану какъ художнику были-бы не трудны... Но... Ренанъ не могъ препобѣдить слабостей темперамента и народности. Что скажутъ либералы, социалисты, республиканцы, интеллигенты?!.. Вопросъ этотъ, повидимому, имѣлъ для Ренана столь-же траги-комическое значеніе, какъ сужденіе Марьи Алексѣевны для Фамусова...

Какъ бы то ни было, но Ренанъ—невѣръ, возбуждающій сожалѣніе къ себѣ,—испытывающій тяжелую пустоту религіи и вѣры въ своемъ сердцѣ. Ренанъ—не сложившійся отрицатель, а сомнѣвающійся скептикъ, съ наивнымъ капризомъ желающій осязать руками и увидѣть глазами Бога-Отца... Да, Ренанъ всю жизнь оставался въ томъ

процессъ броженія религиозно нравственныхъ сторонъ духа, какой навѣрно извѣстенъ многимъ современнымъ людямъ науки, переходившимъ отъ сомнѣній и колебаній къ твердому убѣжденію и непреложной вѣрѣ. Это-то и дѣлаетъ Ренана подсудимымъ для многихъ симпатичнымъ, подкупаетъ читателя въ его пользу и какъ-бы отвѣтствуетъ на задній планъ мысль о невѣріи автора *Жизни Иисуса*.

Сочетаніемъ всѣхъ вышеуказанныхъ особенностей книга Ренана создаетъ такую иллюзію, которая какъ-бы магически очаровываетъ читателя, цѣпляетъ его критическую силу и дѣлаетъ изъ него послушнаго медиума автора. Да, мы имѣемъ дѣло съ научно-художественнымъ внушеніемъ сильнаго, хотя и злаго генія знанія, мысли и слова. Вы невольно увлекаетесь, книга приковываетъ къ себѣ ваше вниманіе и воображеніе, вы какъ бы слѣдуете вмѣстѣ съ авторомъ за Христомъ, въ обществѣ Его учениковъ, по Галилеѣ, — внимаете словамъ любви, блаженства, радости, — вы незамѣтно переходите потомъ въ Иерусалимъ, начинаете негодовать на этихъ тупыхъ умниковъ и тяжелосердыхъ книжниковъ, безъ всякаго въ себѣ удивленія начинаете находить удовольствіе въ грозныхъ обличеніяхъ Христа. Все время вы были послѣдователемъ Христа и апостоломъ... и вдругъ, въ концѣ концовъ, вы какъ будто потеряли Христа, перестали благоговѣть, сдѣлались Иудею... Сила Ренановой иллюзіи именно въ томъ и состоитъ, что читатель незамѣтно и невольно, какъ бы во снѣ или въ гипнозѣ, изъ ученика постепенно превращается въ предателя, изъ искренняго и вѣрующаго апостола — въ измѣнника и клеветника. И кто знаетъ? не слѣдуетъ ли искать, по крайней мѣрѣ отчасти, тайну этого волшебства въ лицѣ самого автора книги, въ пережитой самимъ Ренаномъ измѣнѣ Христу, въ превращеніи, хотя и іезуитскаго, но все же христіанскаго Ренана въ Ренана скептика и нехристя?...

Только уже тогда, когда дочитано послѣднее слово книги, вы замѣчаете обманъ и сожалѣете, что позволили, хотя бы только минутное, затмѣніе въ своемъ сердцѣ пресвѣтлаго лика Безгрѣшнаго Искушителя, — что не замѣтили святотатственное прикосновеніе злаго генія къ Святому Святымъ вашего духовнаго существа. Вы какъ будто присутствовали

при незамѣтномъ въ глубокой тьмѣ ночи предательскомъ поцѣлуѣ, какъ бы слышали Іудино: *радуйся, учитель!*... и подобно Ап. Петру, полусознательно и виѣ себя, вы хватаетесь за мечъ... критики и обличенія... Но уже поздно, предатель выдалъ Христа на поруганіе врагамъ... Вы поддались обману, невольно какъ бы отреклись, хоть на минуту, отъ Христа... и вамъ ничего не остается, какъ только смыть нечистоту этого очарованія горькими слезами покаянія...

(Слѣдуетъ изложеніе книги и критика).

М. Муретовъ.
